

СТАТЬИ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 5–21

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 5–21

DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Оригинальная статья / Original Article

Toska и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 1.

© 2024 г. Т.А. Агапкина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

agapi-t@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны основные контексты слова *toska* и его производных в русских заговорах, соотнесенность этих контекстов с отдельными функциональными типами заговоров (лечебными, любовными, скотоводческими, заговорами на власть и др.), а также с большей или меньшей определенностью сформулированы особенности образа тоски в рамках этих типов: ее персонифицированность и субъектность, материальная природа, допускающая ее физическое устранение как объекта, корреляции тоски и смерти и, наконец, огненная природа тоски. Исследование *toski* в русских заговорах разной функциональной направленности выявило пять базовых значений этого слова: ‘болезнь’, ‘боль’, ‘душевное недомогание неясной этиологии’, ‘страдание в разлуке’ и ‘неодолимая печаль в отсутствии взаимности’. Было установлено, что диалектная семантика рус. *toska* и его производных в полной мере соответствует этим значением *toski* в заговорах, в то время как в литературном языке конкретно-физические значения *toski* оказываются в основном утрачены.

Ключевые слова: заговоры, тоска, диалектная лексика, сюжет, мотив, фольклорная традиция, этнолингвистика.

Ссылка для цитирования: Агапкина Т.А. *Тоска* и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 1 // Славяноведение. 2024. № 6. С. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Toska ‘Sorrow’ and its Contextual «Partners» in Russian Charms. I.

© 2024. Tatiana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

agapi-t@yandex.ru

Abstract. The article describes the main contexts of the word *toska* ‘sorrow’ and its derivatives in Russian charms, the correlation of these contexts with different functional types of charms (medical, love, cattle breeding, charms for power, etc.). Also the features of the sorrow image are formulated within these types with more or less certainty: its personification and subjectivity, material nature, allowing its physical elimination

as an object, the correlations of sorrow and death, and finally the fiery nature of sorrow. The study of the word *toska* in Russian charms of different functional orientation revealed its five basic meanings: ‘illness’, ‘pain’, ‘mental illness of unclear etiology’, ‘suffering in separation’ and ‘irresistible sadness in the absence of reciprocity’. It was found that the dialectal semantics of the Russian word *toska* and its derivatives fully correspond to its meanings in charms, while in the literary language the concrete physical meanings of the word *toska* are mostly lost.

Keywords: charms, sorrow, dialect vocabulary, plot, motive, folklore tradition, ethnolinguistics.

For citation: Tatiana A. Agapkina. *Toska ‘Sorrow’ and its Contextual «Partners» in Russian Charms. I* // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Тоска – одно из наиболее частотных понятий, с помощью которого в русском фольклоре описывается внутреннее состояние человека, а иногда и домашних животных. Трудно назвать жанр, в котором не встречалось бы само это слово или его дериваты. Продолжая темой тоски свое исследование «человека внутреннего»¹ в фольклоре, я решила разрабатывать эту тему от жанра к жанру, поскольку в некоторых случаях объем материала даже по одному из них превышает допустимые масштабы одной статьи.

К числу таких жанров принадлежит прежде всего заговор, где *toska* представлена как многозначный и разноплановый концепт, охватывающий широкий круг неблагополучных состояний как души, так и тела. Установить основные значения *toski* в русских заговорах, выявить контексты, в которых то или иное значение проявляет себя ярче и полнее, чем в других, взглянуть на соответствующие фольклорные контексты в соотношении с диалектной лексикой, а также исследовать базовые характеристики этого внутреннего состояния в заговорах – все это составляет первую задачу работы.

В русских заговорах *toska* обычно фигурирует не сама по себе – ее сопровождает целый сонм «попутчиков» и «двойников», дублирующих ее функции и проявления или уточняющих и расширяющих весь спектр передаваемых ею эмоций и состояний. Изучить состав этих «партнеров» и их поэтическую семантику в заговорном дискурсе видится еще одной задачей, которая будет решаться во второй части статьи.

Несколько слов о методологии работы. Учитывая многозначность фольклорного слова, его семантическую широту и неопределенность, диффузность его значений [Никитина 2000, 559], я следую за теми исследователями, которые считают, что оно должно изучаться в совокупности языковой (диалектной) и контекстной семантики. Такой подход предполагает рассмотрение фольклорного слова с учетом синонимов, эпитетов, предикатов, ассоциативных рядов [Хроленко 1992, 18–19], а также контекстов его употребления: поэтических сюжетов, мотивов, формул, клишированных оборотов и других устойчивых элементов.

Материалом для статьи послужили русские заговоры. В имеющемся в моем распоряжении корпусе текстов этого жанра слово *toska* и его производные встречаются более 2 000 раз, что делает выборку вполне репрезентативной для решения поставленных задач.

¹ Это не первая статья, посвященная «человеку внутреннему». Ранее были написаны работы о *сердце* (в аспекте его эмоциональности), *воле*, *гордости*, *славе* и *хитрости-мудрости*.

В русских заговорах мне удалось выявить пять основных значения слов *тоска*, *тосковать*, *тоскнуть/тоснуть*, и этим значениям соответствуют пять подгрупп заговоров, каждая из которых имеет свою, отличную от других функциональную направленность.

В группе лечебных заговоров (от разных недугов – физических, например от кровотечения или лихорадки, и от собственно насланных, в том числе душевных, – сглаза, порчи и др.) *тоска* понимается как ‘**болезнь**’ (болезнь вообще или конкретное заболевание), соответственно *тосковать* означает ‘болеть, страдать от болезни’. Еще Г. Попов, группируя тексты в своем собрании заговоров, пояснял: «заговоры от тоски мы относим к общим на том основании, что слово “затосковал” на крестьянском языке часто означает и “занедужил”, заболел и нередко обозначает общее недомогание, отчего бы последнее ни зависело»².

Синонимами *тоски*, регулярно составляющими с ней пару, в лечебных заговорах выступают *болезнь*, *скорбь*, *хвороба*, образуя своеобразный бином типа *болезнь-тоска*:

Речка-матушка, не ешь песку, а ешь мою болезнь да тоску (Нижегород.)³; В тистом поли – златой камень, на златом камени – красна дивитя, иголотка золотая, нитотька шелковая: кровь ту зашиват, тоску-болезнь отнимат во веки веков (Олонец., от крови)⁴,

а пару к *тосковать* составляют диалектные в основном глаголы с тем же значением, например *сконнуть*: «Медведь, не пеньев не рви, не кореньев, а сорви у младенца скорби и болезнь, и тоску, и пецаль, чтоб не тоснул и не сконнул, и не болел...» (от родимца)⁵.

Известны контексты, где *тоска* образует пару с таким понятием, как *все/всякие болезни*: «Вода...⁷ Ты обмывала луга, берега, каменья и кременья, обмой р. б. (имя), молитвою награжденною тоску и печаль и всякою болезню» (дон. казаки, от сглаза) [Проценко 1998, № 188].

На этом общем фоне более всего выделяются сердечные болезни/боли, поскольку, будучи эмоцией, внутренним состоянием, *тоска* ассоциируется именно с сердечным недугом: «Еду на море... там мёртвые наши веселятся, сердце у них не болит, не ноёт, ни о чём не тоскует... Сколь скоро это слово изменится, столь скоро и борзо у раба (имя) сердечная тоска, болезнь излечится» (Перм., от инфаркта)⁸.

Гораздо чаще *тоска* оказывается в одном ряду не только с *болезнью* как таковой, но и с названиями конкретных болезней, а также с перечнем лиц, на которых возлагается ответственность за причинение вреда здоровью человека: «Снимаю с раба Божьего такого-то всю болезнь, тоску, килу, грыжу, порчу⁹; Кто эту молитву знает и три раза на день читает, тот будет спасен, сохранен и помилован от всех бед и напастей, от скорби и болезни, от тоски и печали» (Владимир., «Сон Богородицы»)¹⁰.

² Попов, 231.

³ Здесь и далее географические названия, сокращенные до суффикса *-ск/-к* и написанные с прописной буквы, обозначают соответствующую губернию/область или регион.

⁴ Нижегородские заговоры, № 155.

⁵ Русские заговоры Карелии, № 252.

⁶ Русские заговоры Карелии, № 160. Ср. рус. диал. *скомить, сконнуть* ‘страдать от болезни, недомогать (о человеке, животном)’ (СРНГ 38, 73).

⁷ Отточия в цитатах принадлежат автору статьи; в конце цитаты отточия не ставятся.

⁸ Вишерская старина, 34.

⁹ Ветлужская сторона, 179.

¹⁰ Заговоры, обереги и молитвы, 410.

По наблюдениям Е.А. Ковригиной, в русских диалектах «взаимодействие полей ‘БОЛЕЗНЬ’, ‘ТОСКА’ и СКОРБЬ’ проявляется в их двусторонней связи в виде перехода номинаций полей ‘ТОСКА’ и ‘СКОРБЬ’ в поле ‘БОЛЕЗНЬ’, а номинаций поля ‘БОЛЕЗНЬ’ – в поля ‘ТОСКА’ и ‘СКОРБЬ’. Эти переходы являются результатом метафорических переосмыслений, обусловленных особенностями восприятия носителями диалекта состояний болезни, тоски и скорби» [Ковригина 2022, 9–10].

В контекстах, связанных с болезнями, *тоска* передает также значение ‘**боль**’, а *тосковать* – ‘болеть’: «На этом престоле лежит тело Пресвятой Богородицы. Секут тело ножами, топорами. Как у Ней кровь-руда неайдет, Пречистое тело не щемит, не болит, не тоскует, так бы у раба Божия (имя) кровь-руда не шла, тело не болело, не щемило, не тосковало» (Новгород.)¹¹.

Тоска как ‘боль’ присутствует и в скотоводческих заговорах: после оскопления жеребца коновал своими руками надевал на него узду и говорил: «*Тоску забывай, заботу забывай*. Поутру встань – работать иди» (Вят.)¹².

В подобных случаях у слов *тоска/тосковать* обнаруживается широкий круг синонимов, выступающих в паре с ними, – *щипота/щипать, щемота/щемить, ломота/ломить, саднить, ныть, рвать, мозжить, слышать* ‘чувствовать, ощущать’ и др.

Понимание тоски как ‘боли’ находит поддержку в диалектах, особенно на Русском Севере и в центре Европейской России, см.: рус. нижегород., мурман. *тоска* ‘мучение, боль’¹³; олонец. *тоска* ‘физическая боль’. Уж раз его гад кусил, так *тоска пошла, боль, тоснет*¹⁴; архангел., иркут. *тоскнуть* ‘болеть, испытывать боль; ныть, ломить’. Уменя ноги *тоскнут*¹⁵; архангел. *затоскнуть* (затоснуТЬ), *затосковать* ‘начать болеть, ныть, ломить’¹⁶; вологод. *тосковать* ‘быть больным, болеть; испытывать ощущение боли (о какой-либо части тела); болеть, ныть (об ощущении тупой, тянущей боли)’, *тоскнуть* ‘ныть’¹⁷; костром. *тосковать* ‘болеть, ныть’. Второй день рука сломатая *тоскует*¹⁸ и т.д.

В южнорусских говорах такие значения проявляются реже, да и само слово *тоска* не имеет столь же широкого хождения, поскольку ему на смену постепенно приходит ю.-рус. *нуда, нудиться*¹⁹ и целый ряд других слов.

Таким образом, в народномедицинских и ветеринарных заговорах *тоска* получает значения ‘боль’ и ‘болезнь’, и потому, подобно другим болезням, ее излечивают, смывают, унимают и т.п., а самого человека стремятся лишить чувствительности к боли. Синонимами и «партнерами» *тоски* в этих значениях обычно являются слова, обозначающие те же болезнь и боль.

Также относительно немногочисленную группу русских заговоров составляют тексты, в которых тоска предстает как ‘**душевное или психическое недомогание неясной этиологии**’. Эта *тоска* оказывается болезнью прежде всего душевной, а оттого – наверняка насланной, пришедшей извне, результатом чужого влияния и недоброй воли, мысли или взгляда. Б.Д. Проценко при исследовании донской традиции указывал, что многое сближает заговоры

¹¹ Заговоры из архивных источников, 203.

¹² Верещагин, 37.

¹³ СРНГ 44, 295.

¹⁴ СРГК 6, 497.

¹⁵ СРНГ 44, 296.

¹⁶ АОС, с.в. *Затосковать*.

¹⁷ СВГ 11, 48.

¹⁸ Ганцовская, 384.

¹⁹ Сл. воронеж. 3, 219.

от тоски с заговорами от испуга и сглаза, поскольку *тоска* может быть наслана каким-то вредителем, на что намекают некоторые ее эпитеты, такие как *глазная, ветряная, напускная, наносная, замысленная* и др. [Проценко 1998, 169]. О чужом вмешательстве как причине тоски нередко говорится и в самих заговорах, в том числе таких, которые направлены против тоски и порчи одновременно: «Как ты обрывала крутые красные берега, желтые пески, такожде отрыть и отмывать от меня, р(аба) Б(ожия) и(мярек), тоску и кручину, и сердешную болезнь от набродов, притчей и уроки, и призоры, от всяких лютые и злые помыслы (XVIII в., от тоски и порчи)»²⁰.

Тоска как душевный недуг и тревога, во-первых, лишена объекта: человек тоскует не по кому- или чему-либо; она не имеет причины: это не физический недуг, не разлука с родными или любовная горячка — человек тоскует не из-за кого-то, а просто так. И вместе с тем такая тоска обладает одним уникальным свойством: она бесконечна, и эта бесконечность описывается в терминах пространства: «Тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до пепрепутья...» (Владимир.)²¹.

Самым частым в заговорах от тоски оказывается мотив ее смывания, удаления прочь, очищения человека от нее, фактически и составляющий основное содержание подобных текстов:

Матушка, быстрая вода... Обмой-ка ты с рабы Божьей (имя) тоску тоскучую, горе горючее, скорби и болезни, думу непобедимую и боль неутолимую, злу худобу смой-сполоши (Карел., от тоски и худобы)²²; Дон Иванович, Холёр Воерданович. Ты текешь с запада на восток, обмываешь все яры, все каменья... обмой тоску у рабе Т.... уйди, тоска, в тёмные леса (дон. казаки)²³.

Понимание *тоски* как душевного недуга присутствует и в русских диалектах, см.: архангел. *тосковать* ‘тревожиться, беспокоиться, переживать’, ‘испытывать тяжелые душевые муки’ [Ковригина 2022, 144–145]; вологод. *тоску сымать* ‘ворожить с целью избавления от душевной тревоги, тоски’²⁴, хотя в большей степени оно характерно для литературного языка. Словари русского литературного языка довольно единодушны в своей трактовке *тоски*: *тоска* ‘мучительная грусть, сильное беспокойствие душевное’²⁵; *тоска* ‘сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой’²⁶; *тоска* 1. ‘душевная тревога, уныние’; *тосковать* 1. ‘испытывать тоску, томиться тоской’²⁷; 1. ‘тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога’; 2. ‘скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему’; 3. ‘о том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния’²⁸.

Именно эту «версию» *тоски* принято трактовать как состояние души, тяжелое, малопонятное его носителю и часто ничем не объяснимое. И хотя в русской культуре тоска не раз скрывалась под *скукой, меланхолией* и другими душевными состояниями и недугами, но почти всегда идентифицировалась именно как ‘тоска’. Об этой *тоске* как эмоциональном концепте и ключевом признаке национально-языковой картины мира (наряду с душой и судьбой)

²⁰ Русские заговоры, 472.

²¹ Заговоры, обереги и молитвы, 396.

²² Ершов, 89.

²³ Тимофеев, 194.

²⁴ Золотые россыпи, 141.

²⁵ САР 6, 379.

²⁶ Ушаков, с.в. *Тосковать*.

²⁷ Шведова, 992.

²⁸ МАС 4, 389.

писала А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996, 393 и др.]; именно эту *тоску* – как знак экстремальных жизненных ситуаций и вызванных ими переживаний – имел в виду А.Б. Пеньковский, размышляя над языком пушкинской эпохи [Пеньковский 2003, 187–267], и т.д.

Смыывание *тоски* или унесение ее дымом встречается как мотив во всем корпусе русских заговоров, а не только в рассматриваемой подгруппе: оно подчеркивает тот факт, что *тоска* понимается в этом жанре как нечто внешнее по отношению к человеку, наносное. Эта черта, как мне кажется, заметно отличает «фольклорную» тоску как психоэмоциональное недомогание от тоски «литературной», ибо «литературная» тоска почти всегда остается слабо мотивированной. Обычно «литературная» тоска не приходит извне, ее не связывают с «чужим» влиянием, хотя способность *тоски* доводить человека до смерти, ее не-доброе воздействие на человека вполне вписываются в концепцию *тоски* как чужой и враждебной силы, как ее понимал, в частности, Ю.Д. Апресян [Апресян 1995, 51]. Прямое называние тоски *силой*, проникающей в глубь человека, можно встретить и в русских заговорах: «Из-под этого камня Алатыря выпущу я силу для привороту и сажаю эту силу в могучую жилу моей милой... чтобы кровь ее кипела и шипела, чтоб она тосковала и горевала и в ночь спокойна не была... чтоб она тосковала и горевала, как мать над дитятей» (Встану я благословясь, № 83, Архангел.).

Четвертую группу составляют заговоры, обслуживающие такую эмоционально нагруженную ситуацию, как расставание, разлука. Заговоры, нацеленные на преодоление *тоски* как ‘**страдания в разлуке**’ (где *тосковать* означает прежде всего ‘*скучать*’), входят в разные функциональные группы. Это заговоры от тоски по родным – будь то рекрут, покинувший родные места, или молодая женщина, выданная далеко замуж, или ребенок, отлученный от материнской груди и мн. др. Однако прежде всего это заговоры от тоски по умершему, когда *тоска* является производной горя и появляется в результате осознания безвозвратности потери (об этих аспектах тоски см.: [Байбурин 2001]; [Толстая 2001, 159–160]); такую *тоску* рекомендуется смыть, сжечь, оставить за собой как нечто физическое, вещное: «Речушка, речушка, тоску забери ты себе»²⁹; сжигают доску и говорят: «Сгори, доска, сгори по мужу и тоска»³⁰; бросая песок за спину, говорят: «Бросаю песку, оставляю боязнь и тоску» (Киров.)³¹.

Особый корпус текстов связан в фольклорной традиции с тоской по умершему супругу (реже – родителей по детям или детей по родителям), однако заговоров на эту тему записано ничтожно мало. Так, стремясь уберечь мать от нескончаемой тоски по умершему ребенку, используют как прецедент евангельское событие:

Как плакала Пресвятая Богородица о Господе нашем Иисусе Христе... И утешали Пресвятую Богородицу все святые угодники и вся сила небесная, и я утешаю рабу Божию, чтобы она не тосковала и не горевала о своем родимом детище, а развлекала бы свою скучу, как Пресвятая Богородица с силой небесной! (Забайкалье)³²,

ср. аналогичное значение диал. *тоснуть* в ситуации отделения теленка от коровы: рус. олонец. *тоснуть* ‘проявлять привязанность к детенышу в разлуке с ним (о животных)’. *Первый раз доится; чтобы корова не тоснула по теленку, потом свести теленка кругом коровы и ткнуть его туда, с которого места он*

²⁹ Архив РГГУ, Кречетово Каргопольского р-на Архангельской обл. 1996, от тоски по покойнику.

³⁰ Архив РГГУ, Печниково Каргопольского р-на Архангельской обл. 1997.

³¹ Русские заговоры и заклинания, № 2449.

³² Логиновский, 52.

вышел, и сказать: «Ты мне не мать, я тебе не сын»³³. Те же эмоциональные проявления описываются в скотоводческих заговорах, которые читали над скотиной, разлученной со своим хозяином, обычно в случае ее продажи: «Как эта Вага бежит день и ночь, не плачет да не тужит, не горюет ни об пенье, ни об сером камене, назад не поворачивается, так бы не плакала и не тосковала лошадка о своем доме» (Вологод.)³⁴.

Тоска представляется отторгаемой субстанцией, что вполне отвечает восприятию ее как материальной сущности: «Плод да живот домой понесла, тоску и печаль назад оставляй» (Олонец., при покупке скотины)³⁵.

Впрочем, в редких случаях тоска животного оказывается эмоцией желательной: в пастушеских отпусках насылание тоски на скотину практикуется в том числе для того, чтобы животные возвращались к пастуху, по которому скучают: «Сходят небесные Ангелы с небесным огнем неугасаемым и зажигают у моего скота пор и сердце, чтобы всякая скотина горела бы и тосковала сердцем и по своем доме, и по своем хозяине и хозяйке, и по мне, рабу Божию, пастырю (имр.), и моем голосе» (Олонец.)³⁶.

Слово *тоска* и соответствующие глаголы, прежде всего *тоскнуть/тоснуть*, означающие страдание в разлуке, широко известны в диалектах: рус. диал. *тоскнуть по ком-л.* Че-то я о своем парне тоскнул; Мать по сыне, а жена по муже тоскует, тоскнет; *тоснуть по ком.-л.* Не знает, когда уж она и перестанет тоскнуть-то по ём³⁷; архангел. затосковать ‘начать скучать по кому-н., чему-н., страдать в разлуке’³⁸; томск. экспр. душа тоскнёт ‘о переживании тоски по умершему’³⁹; рус. печор. *тоскнуть* ‘скучать, тосковать’. Я дак там тоснула у тётки, никого не знаю⁴⁰; *стоскнуть, стосковаться* ‘соскучиться’⁴¹, но также нечужды и литературному языку: *стосковаться, по ком-чем и о ком-чем* (разг.) ‘соскучиться, впасть в тоскливо, унылое состояние’⁴² и др.

Таким образом, в этой подгруппе заговоров *тоска* понимается как страдание в разлуке с кем-то дорогим и ушедшим или отделенным от имярека⁴³. Чаще такая тоска описывается глаголами (*тосковать/тоснуть*) с косвенным дополнением: *тосковать о ком-нибудь, по кому-нибудь*; и сообщение о том, по кому или чему тоскует имярек, составляет основное содержание заговора. Как и в группе народномедицинских заговоров, *тоска* как страдание в разлуке приписывается не только человеку, но и скотине; для восстановления душевного здоровья принято символически смывать и сжигать *тоску*. Что касается страдания по умершему, то оно складывается в фольклоре в пространный и многоплановый культурный текст, который в отличие от тоски по другим персонажам реализуется не только и не столько в заговорах, сколько в мифологической прозе и во всем тексте похоронного обряда.

³³ СРГК 6, 498.

³⁴ Русские заговоры и заклинания, № 985.

³⁵ Русские заговоры Карелии, № 362.

³⁶ Тучемский, 514.

³⁷ СРНГ 44, 295–297.

³⁸ АОС, с.в. Затосковать.

³⁹ Афанасьева-Медведева 15, 176.

⁴⁰ СРГНП 2, 355.

⁴¹ Удина, 253.

⁴² Ушаков, с.в. Тоска.

⁴³ Т.е. человека, от имени которого произносится заговор, или того, на кого он направлен. При чтении заговора в реальной обстановке на это место подставляется имя конкретного человека.

Наконец пятая, значительно более многочисленная группа связанных с *тоской* русских заговоров отчасти пересекается с предыдущей, так как относится к сфере межличностных отношений и передает неудовлетворенность их качеством и состоянием.

В рамках этой группы *тоска* означает ‘**неодолимую печаль при отсутствии взаимности**’, а глагол *тосковать* обнаруживает целый спектр соотносимых друг с другом значений, таких как ‘хотеть быть любимым и необходимым’; ‘стремиться заполучить объект’; ‘внушить тягу к имяреку’ и др.

Основной массив текстов с упоминанием *тоски* в названном значении касается сферы отношений между мужчиной и женщиной, т.е. любовных заговоров. Тщательный их разбор предпринят в книге А.Л. Топоркова, где рассмотрена история изучения этих заговоров, их сюжета и поэтики, и им же посвящен большой указатель [Топорков 2005, 110–182, 364–388]. Не повторяя сказанного в этой книге, попытаемся сформулировать самые общие положения, раскрывающие образ *тоски* в любовных заговорах.

Понимаемая как неодолимая и причиняющая страдание привязанность к лицу противоположного пола *тоска* субъектна – она не просто персонифицируется, она двигается, разговаривает, испытывает эмоции, вселяется в мужчину или женщину и т.д.:

По этой реке Терке бежит тоска тоскующая, сухота сухотущая. Спрошу раба Божья Н.: – Ай же ты, тоска тоскующая, сухота сухотущая, куда пошла-полетела, куда путь держишь? Тоска-сухота отвечает: – Пошла я, полетела рек озер разжигать, синяго моря иссушать (Олонец.)⁴⁴; И в том чистом поле попадут мне встречу три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски не усыпающие. И те три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски не усыпающие падут к рабице Божией (имя рек) в ретивое серце, в мягкое лехко (Вологод.)⁴⁵.

Персонифицированность тоски выражается в заговорах целым рядом глаголов активного действия: *тоска летает, бежит, идет/ходит/находит, падает, суетится, хлещется, бьется, бросается, кидается, к земле припадает*, и эмотивными глаголами, передающими как сами эмоции, так и их физические проявления: *плачет, рыдает, ноет, тоскует* («Тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует», Архангел.⁴⁶). Действия *тоски* по отношению к человеку и внедрению в него также описываются глаголами активного действия: *входит, вселяется, падает, садится, одолевает, нападает, наваливается, накатывается, давит, въедается-впивается, сушит/иссушает* («Впивайся тоска, въедайся тоска, в грудь – в сердце! Взростись по всем жилам ноетой-сухотой!», Тул.)⁴⁷ и др. Как субъект заговоров *тоска* может множиться (бывает 3 и даже 33 тоски), она появляется обычно не сама по себе, а в сопровождение «партнеров» и в составе определенных синонимических рядов, о которых подробнее будет сказано во второй части статьи.

Тоску напускает/наводит на него или ее сам имярек. Чаще всего он насыляет *тоску* ветрами или по ветру: «Пущу свою тоску и печаль по буйному ветру. Дойди до меня и от меня, моя тоска-печаль, до раба Божьего (имя), в его мягкие губы, в его белые зубы, в его белую грудь, чтоб он ел – не заел, спал – не заспал... тосковал день и ночь, и в глухую полночь по рабе Божьей (имя)» (Саратов.).⁴⁸

⁴⁴ Кофырин, 2.

⁴⁵ Виноградов 1, 34, № 45.

⁴⁶ Русский заговоры и заклинания, № 722.

⁴⁷ Пятницкий, 226.

⁴⁸ Булушева, 42.

Помимо имярека, насытать / наводить на человека тоску могут демоны, нечистая сила:

Это ты <Сатана> по ветру летаеш, тоску спускаеш, огонь в крови человеческой мысли разнесешь и во владееш, пади в грудь, в сердце, в голову чтобы он не мог не есть ни пить ни думу думать не работать без рабы (имя) (Карел.)⁴⁹;...лежит доска, а под той доской лежит тоска тоскучая, сухота сухучая. Черты-сатанята, идите на все пути и найдите раба божьего (имя)... скрутите его и вложите в него грусть, печаль, тоску, болезнь, скучу, во все его члены и суставы ([Проценко 1998, № 247], дон. казаки),

или сам субъект без участия помощников: «Я девица брава, стою на ноге правой, головой шатну, тоску пущу по всему свету, своему богосуженому в сердце и душу; не мог бы он без раба Божия меня ни дня дневать, ни часу часовать» (Олонец.)⁵⁰.

Субъект заговора часто не прямо переносит тоску на другого человека, а просит своих помощников (ветры, а также зверей и птиц, дым, зарю) снять тоску с него и отнести ее объекту своей страсти, вложить в его тело и душу: *снести/донести/принести/нанести на имярека, вселить, нагнать, дать на сердце, посадить, навеять*:

Ой вы, двенадцать братьев ветров, подсобите и помогите мне, рабу Божию, снимите с меня тоску, печаль и сухоту несусветимую, отнесите и напустите на рабу Божию, чтобы сохла и тосковала она по мне, по рабе Божием, жить бы не могла, ни пить, ни есть, смертной тоской бы тосковала, а сухоты бы не избывала, в бане бы не замыла и водой не отлила (Костром.).⁵¹

Тем самым заговор решает две взаимосвязанные задачи — избавляет имярека от тоски по возлюбленному и «приговаривает» последнего к имяреку.

Есть еще один контекст, широко известный в любовных заговорах. Имярек, желающий поселить тоску по нему в сердце объекта своей страсти, просит помощника пройтись по людям, страдающим от тоски по близким, а именно по солдатам и солдатским матерям, по заключенным в тюрьмах, по вдовам и сиротам, собрать с них тоску, опять же как некую материальную субстанцию, и поместить ее в сердце другого человека: «Ходите вы (ветры) по всем местам, по всем городам, тюрьмам тоску тоскующую, горе горюющее соберите, в рабу (имярек) вложите в ее 77 костей, 77 жил, в крепки кости, в туги жилы — в стальные, в ходовые, в попятные, в юность, в ярость» (Нижегород.).⁵²

Обратим внимание на то, что *тоска*, которую в подобных контекстах стремятся навязать объекту страсти, — это изначально не любовная неудовлетворенность как таковая, а *тоска* как страдание в разлуке, что создает причудливое соединение разных граней рассматриваемого концепта. Мужчине или женщине стремятся внушить *страсть-тоску* по имяреку, но страсть, основанную на чувстве неудовлетворенности от разлуки с имяреком, чтобы имярек так же страдал в разлуке, как, к примеру, страдают вдовы и сироты по своим умершим близким и заключенные — по своим родным:

Ветры... возьмите вы с тех людей, с тюремцов, с посидельщиков, с бедных людей, которые приговорены под смертную казнь, которые не пьют, не едят, тоскуют и горюют, плачут и рыдают; возьмите вы с тех людей, с тех потюремщиков тоску, кручину, печаль великую и понесите вы с собой... к рабице Божией (М)... и где вы ее найдете... тут к ее посадите тоску... загорелось бы у рабицы Божией ретивое сердце... тужила бы и плакала, тосковала бы и горевала обо мне... (Вят.).⁵³

⁴⁹ Ершов, 86.

⁵⁰ Суеверие и предрассудки, 673.

⁵¹ Виноградов 1, 93, № 124.

⁵² Заговоры из архивных источников, 165, № 13.

⁵³ Комаровских, 146.

Наконец, в тех заговорах, где речь идет о *снятии тоски* с имярека, т.е. в отсушках, эта функция возлагается главным образом на проточную воду, которая *смывает/споласкивает тоску* как нечто физическое:

Матушка быстрая вода, обмываешь ты круты берега, бел горюч камень, желты пески и корни своей быстрой золотой струей, обмой-ка ты с рабы Божьей (имя) тоску тоскучую, горе-горючее, скороби и болезни, душу непобедимую и боль неумолимую, злу худобу, смой, сполоси с рабы Божьей (имя) с буйной головы, с белого лица... (Архангел).⁵⁴

Мотив удаления тоски передается широким рядом глаголов активного действия: тоску можно *вынуть, собрать, отобрать, сорвать, спровадить, разогнать/изгнать/отогнать/согнать, отослать, свести, взять, очистить, смыть, обмыть, сполоснуть* и т.д., а сама *тоска*, покидая человека, *смывается, стекает, уходит, отшатывается, отваливается, спадает* и др. Все эти глаголы подчеркивают физическую природу *тоски*, а также в известном смысле – ее внешнюю по отношению к человеку сущность, которую можно убрать почти механически.

Рассмотрев основные значения *тоски* в русских заговорах, перейдем к ее общим характеристикам.

Чувство тоски, которое испытывает человек, передается в заговорах рядом однокоренных слов – прежде всего именем существительным *тоска*, глаголами (*тосковать, тоскнуть/тоснуть, тосковаться, затосковать* и др.), а также наречиями.

Тоска (имя существительное) упоминается главным образом в контекстах, где она выступает как персонаж/субъект заговоров (в любовных заговорах), а также как нежелательный объект, подлежащий удалению (во всех рассмотренных группах). Как одиночное имя нарицательное *тоска* может появляться лишь в тех заговорах, в которых оно означает ‘боль’ и ‘болезнь’; в остальных значениях *тоска* почти всегда фигурирует в сочетании с эпитетами, в том числе однокоренными типа *тоска тоскучая, тоску(ю)щая, тоскливая, тоскучая, тосковая*, усиливающими экспрессивность магического текста:

Вси четыре брата, летите по всем ордам... Снимайте, взимайте у всех солдатских матерей тоску-тоскусту, сухоту-сухотусту и не сроните ее на лес... несите эту тоску-сухоту Ивану (Олонец).⁵⁵; В той избе лежит доска, на той доске сидит три тоски тосковые, горевые и плачевые⁵⁶.

В диалектной речи и литературном языке известно много словосочетаний существительного *тоска* с глаголами, с помощью которых также передается значение ‘испытывать тоску’, см., например: *тоской затосковать, иметь тоску на (в) сердце, вянуть с тоски, тужить тоскою, мучиться в тоске, вдаваться в тоску*; значительная часть экспрессивных выражений такого рода встречается и в заговорах: *чуять тоску*: «Богородица, помоги... чтобы не чуял раб Божий (или раба Божия имярек) ни тоски, ни болезни... ни в белом теле, ни в ретивом сердце» (Вологод.).⁵⁷; *слышать тоску*: «Так бы раб Божий (имя рек) не слышал бы ни тоски, ни сухоты, ни в костях, ни в жилах, ни в ретивом сердце» (от разных болезней)⁵⁸; *(не) видеть на себе тоску*: «Как мне зари не видать, так бы мне и тоски на себе не видеть» (Костром.).⁵⁹.

⁵⁴ Знатки, № 207.

⁵⁵ Русские заговоры Карелии, № 47.

⁵⁶ Русские заговоры, 695.

⁵⁷ Русские крестьяне, т. 5, ч. 4, 43.

⁵⁸ Майков, № 228.

⁵⁹ Виноградов 1, 50, № 66.

В заговорах обнаруживается по крайнем мере два наречия на ⁺*тоск-* — *тошно* и *тоскливо*:

А коль тошно и горько той тоски на той доске... столъ бы было тошно и горько той рабе имярек, как она меня, раба имярек, не увидит на которой день и на которую час и в которую четверть, она бы тосковала да горевала, сохла и плакала⁶⁰; скол тошно и горко тому человеку или зверю, или скотине, столъ бы было тошно и болно той красной девице (такой-то) кровью по мне, по доброму молотце (имярек) таким-то кровью, умом и разумом, и помыслом, и хотением ... и столъ бы ей было тошно, и столъ бы ей было горко и тоскливо (XVII в.)⁶¹.

В этимологическом отношении глагол *тосковать*, как считается, образован от существительного *тоска*, в свою очередь, восходящего к **t̥ska*, от которого др.-рус. *тъска* «стеснение; горе, печаль; беспокойство, волнение», цsl. сътьснъти [Фасмер 4, 88]. П.Я. Черных предполагает родство слов *тоска* и *тощий* и возводит их к общей и.-е. базе **teus-* ‘опорожнять’, ‘делать пустым’, ‘осушать’. Старшее значение слова **t̥ska* ‘давление’, ‘теснота’, из которого развивается более позднее ‘ощущение беспомощности, подавленности’ [Черных 1999, 253].

В соответствии с этимологией в словах с корнем ⁺*tosk-* (*тоска*, *тосковать* и др.) принято усматривать семантику давления, стеснения, тесноты. В заговорах на основе этих значений чаще всего развивается тема давления⁶², тяжести, с которой *тоска* воздействует на имярека: «На море Окиане, на острове Буяне, лежит сер камень, под тем камнем сидят три черта, они бьют и выбивают пуд укладу на тоску раба Божией (имя), чтоб полюбила меня, молодца, раба Божия (имя) больше родимого отца, родимой матери, роду и племени» (Смоленск.)⁶³.

Известно, что во многих русских заговорах *тоска* описывается как лежащая на доске или под доской⁶⁴: «Есть на море-окияне, на острове Буяне, — там стоять баня, в этой бане лежит доска, под этой доской ходит тоска⁶⁵; ходит, тоскует — некуда ей деться, не в кого вселиться. Вселись, тоска, в раба или рабу имярек» (терские казаки)⁶⁶. Понятно, что этот образ доски, под которой находится *тоска*, также соотносится с ощущением тяжести: «...в ц'истом поле лежит доска, а под доской тоска. Плац'ет тоска, извивается, выти никак не может. Как вот тоска под доской, так вот чтобы мой милый обо мне тосковал, не мог ни пить ни йись... так бы тосковал обо мне» (Архангел.)⁶⁷.

Пуд укладу, который черти выбивают на *тоску*, отправляемую на сердце возлюбленной, находит развитие в образе доски из металла (*медной*, *чугунной*, *железной*, *мраморной*), образ которой только усугубляет значение ‘тяжелый, давящий’ (об этом см.: [Топорков 2005, 168–169]): «Во синем море есть чугунная доска, есть под ней тоска. Приподними ты доску чугунную, вынь из-под нее

⁶⁰ Покровский, 262.

⁶¹ Русские заговоры, 370.

⁶² См. томск. *тоска задавила* ‘о тяжёлом психическом состоянии человека, характеризующемся подавленностью, сильным душевным томлением, душевной тревогой в соединении с грустью и скучкой’ (Афанасьева-Медведева 16, 363).

⁶³ Неклюдов, 23.

⁶⁴ Впервые образ тоски на доске, как установил А.Л. Топорков, зафиксирован в заговоре из следственного дела 1688 г. [Топорков 2005, 165].

⁶⁵ Пара *доска* — *тоска* хотя бы отчасти обязана своим появлением схожести этих слов и связывающей их рифме, что не осталось незамеченным в традиции, см.: «Под ногой доска, на столе — треска, а в глазах — тоска» (CHPP, 53, поговорка о жизни в Архангельске); «На качели я качалась, / на берёзовой доске, / я с любимым расставалася / в печали и тоске» (Афанасьева-Медведева 20, 71, частушка, Сибирь.).

⁶⁶ Баранов, 175.

⁶⁷ Знатки, № 192.

тоску, вынь из-под нее тоски столько, сколько во синем море желтых песков» (Нижегород.)⁶⁸.

Тоску-тяготу очень редко, но можно встретить даже в охотничьих заговорах, где ею наказываются звери, не желающие идти в ловушки или попадаться на наживку: «...буде вы белые звери горностали чернохвостые, не станите есть наживки, наложит той Никола на тебя белого зверя горностала чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебе белому зверю горносталю не жити, не быти...» (Архангел., Слова горносталие)⁶⁹.

Образ тяжелой, давящей *тоски*, в свою очередь, ассоциируется с гробовой доской и шире – темой смерти, сквозной для всего дискурса русских заговоров от тоски, а также присутствующей в диалектной лексике и литературном языке⁷⁰. Как заметил А.Л. Топорков, «в любовных заговорах *тоска* и *доска* сближаются не только формально и ситуативно, но и в символическом отношении... слово *доска* могло иметь значение ‘нагробная плита’... и широко употреблялось в выражении *гробовая доска*. В связи с этим *доска* могла символизировать смерть или границу между жизнью и смертью» [Топорков 2005, 170]. Отсюда в заговорах образ *смертной* или *смертельной тоски*, а также, как мне представляется, мотивы «тосковать до гробовой доски», «помирать(ся) с тоски», «убиваться с тоски» и мн. др.:

Чтобы он смертельной тоской сухотовал, день сох при солнце, ночь – при месяце, во все дни и ночи (Олонец).⁷¹; В этой грядоцьке есть два выношка... Они выются, завиваются, друг по дружке с тоски помираются. Так бы этот раб божий (имярек) так бы вился, завивался, с тоски помирался... Все бы думал, жалел и тосковал навеки до гробной доски, отныне век и по веку (Архангел).⁷²; Как во граде Лукорье летел змей по поморию... царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ее умалялась, сердце тосковалося, одному утешению предавалася – как змей прилетит, так ее и обольстит (от тоски по огненному змею)⁷³.

С образом *смертной тоски* отчасти перекликаются и другие эпитеты тоски в заговорах, подчеркивающие крайнюю степень выражаемых ими негативных эмоций, абсолютную «невыносимость» испытываемого человеком чувства – *несносная, неисповедимая, неведомая, неусыпающая и черная*:

Батюшки-ветры... отберите от меня раба божья (имя) всю мою тоску тоскующую, сухоту сухотущую, тоску неисповедиму и плач неутолиму, да понесите от меня раба божия (имя) к рабице божьей (имя) (Екатеринбург).⁷⁴; И те три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски неусыпающая падут к рабице Божией (имя рек) в ретивое серце, в мягкое лехко... (Вологод).⁷⁵; На море, на окияне... под дубом мокрецким сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится от таски неведомой, во грусти недознамой, в кручине недосказанной (Владимир).⁷⁶.

Есть еще один аспект тоски в русских любовных заговорах, пронизывающий самые разные ее пласти. Это тема огня, которая проявляется на разных уровнях текста – от сюжетики до широкого лексического ряда (*жар, жарко*,

⁶⁸ Заговоры из архивных источников, 166.

⁶⁹ Ефименко, 185.

⁷⁰ О тоска как смерти (тоски до смерти, смертной, предсмертной, смертельной и др. см. [Приходько 2016, 116].

⁷¹ Русские заговоры Карелии, № 61.

⁷² Встану я благословясь, № 113.

⁷³ Майков, № 370.

⁷⁴ Шилков, 149.

⁷⁵ Виноградов 1, 34, № 45.

⁷⁶ Заговоры, обереги и молитвы, 396.

зажигать, разжигать, прожечь, распалять, воспаляться, высыхать, сохнуть, сухота, иссушать, огонь, огниво, огненный, гореть и др.)

По наблюдениям А.Л. Топоркова, «образы <огня и тоски> могут существовать по отдельности, но могут и сочетаться друг с другом... Заговоров с насыщением любовного огня и в XVII–XVIII вв., и в XIX в. примерно столько же, сколько заговоров с насыщением тоски, и примерно столько же, сколько тех, в которых насылаются вместе и огонь, и тоска» [Там же, 114, 118]. Очевидно, что соположение тоски и огня обусловлено представлением о любовной горячке и метафорой любви как огня, горения сердца, души и тела.

Учитывая все эти соображения, хотелось бы взглянуть на образ тоски сквозь призму темы огня, чтобы понять, насколько они взаимосвязаны и как выражаются друг через друга. Прежде всего, согласно любовным заговорам, тоска имеет огненную природу, что передается ее постоянным эпитетом: «...пошли я ему огненную тоску прямо в сердце и в черную печень» (Карел.)⁷⁷, а усиливает этот яркий образ упоминание о пребывании тоски в печи: «В этой чаше, трущобе стоит новый терем. В этом тереме стоит новая печь. В этой печи лежит чугунная доска, под этой доской лежит тоска, тоска тоскующая, сухота сухотущая и плач-плакущая» (казаки Урала)⁷⁸, и отсылки к Сатане как к посреднику в деле тоски, которая тем самым начинает ассоциироваться не просто с огнем, а с огнем адovым⁷⁹: «Ой вы, Сотона со д(ъ)яволи со малы, со великими, вылести с окияне моря, возмити огненую тоску мою... зажгти у рабы по мне рабу душу» (XVII в.)⁸⁰. Ср. ту же функцию, придаваемую огненному змею: «Гой еси, огненный змий, полети во все четыре стороны, во все дальние города, собери ты тоску и кручину со всех заключников, принеси ту тоску и кручину полну коробу рабу Божиemu» (Вологод.)⁸¹.

Огненная природа тоски объясняет и один из самых частых мотивов любовных заговоров, а именно «тоска зажигает сердце/утробу/тело имярека»:

Вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучия, три рыды рыдучия, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя) девицу, разжигайте ее во дни, в ночи и в полуночи, при утренней заре и при вечерней (Сибир.)⁸²; Зайдите вы, тоски, к рабу Божиу имрак... и воспалися, утроба, сердце и кровь горючая... (если жена не любит мужа)⁸³.

Для понимания того, насколько образы огня и тоски взаимосвязаны и взаимозависимы, уместно указать также на одновременное присутствие их обоих в одних и тех же заговорных контекстах, когда разжигание души и тела становится условием возникновения любовной тоски или символически с ней соотносится:

Как плоти жарко, так бы рабе (и.р.) было б меня жалко, как плоть высыхает, так бы раба обо мне стала тосковать (Нижегород.)⁸⁴; И как сие одинакое осиновое или какое ни деревцо отсечено сохнет и горит от красного солнца и от буйного ветра, так бы сия р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью и волосом сохнула б и горела и тосковала по мне, по добром молоты и(мярек) (XVII–XVIII вв.)⁸⁵; Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распаляти, а сердцу моему не тосковати (от тоски по огненному змею)⁸⁶.

⁷⁷ Ершов, 87.

⁷⁸ Голубых, 291.

⁷⁹ См., «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф 25, 41); «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Отк 20, 9–10).

⁸⁰ Русские заговоры, 333.

⁸¹ Зырянин, 388.

⁸² Гуляев, № 1.

⁸³ Русские заговоры, 695.

⁸⁴ Заговоры из архивных источников, 166.

⁸⁵ Русские заговоры, 371.

⁸⁶ Майков, № 370.

В готовящейся второй части статьи будет в том числе показано, как связь огня и тоски развивается в заговорах и через других «партнеров», сопровождающих образ тоски.

Среди всего разнообразия заговоров этой группы, объединенной значением *тоски* как ‘неодолимой печали в отсутствии взаимности’, небольшая часть текстов адресована властям, начальникам и судьям, которым имярек стремится навязать любовь к себе, тем самым надеясь избежать угрозы наказания и иных неприятностей. Основным способом добиться этого было напустить на выбранный объект тоску по имяреку, чтобы объект испытывал это сильное чувство неудовлетворенности и стремился воссоединиться с имяреком:

Скользко тошно и горько по хлебе и по соле... столь бы тошно и горько рабу и рабыни по мне, по робе имярек, тужил бы и плакал, не видечи меня, раба Божия имярека, на всяк день, на всякую ночь и на всяк час (XVII в., насылание тоски на власти)⁸⁷; Где бы слова и заговоры мои его не заступили... напала бы на него тоска, сухота и великая жалость; и показался бы я, раб Божий (имя рек), ему, рабу Божию (имярек), лучше всего света белого, лучше солнца красного, милее отца и матери (заговор судей)⁸⁸.

* * *

В статье описаны основные контексты русской *тоски*, их соотнесенность с отдельными функциональными типами заговоров, а также с большей или меньшей определенностью сформулированы особенности образа тоски в рамках каждого из этих типов: ее персонифицированность и субъектность, изначальная автономность по отношению к имяреку, ее «вещность», материальность, допускающая физическое устранение *тоски* как объекта; корреляция тоски и смерти и, наконец, огненная природа *тоски*.

Исследование *тоски* в русских заговорах разной функциональной направленности выявило пять базовых значений этого слова: ‘болезнь’, ‘боль’, ‘психоэмоциональное недомогание неясной этиологии’, ‘страдание в разлуке’ и ‘неодолимая печаль при отсутствии взаимности’. Предложенный порядок следования значений в заговорных контекстах в целом отвечает логике развития этих значений в истории слова *тоска* (*тьска*), смысл которой состоит в изначальной нерасчлененности семантики, связанной с миром материального (в т.ч. неприятные физические ощущения) и духовного (тяжелое, неприятное чувство). Такую же картину можно наблюдать в диалектной семантике рус. *тоска* и его производных, в то время как в литературном языке конкретно-физические значения *тоски* оказываются в основном утрачены⁸⁹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: МГУ, 1980–. Вып. 1.
Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. СПб., 2007. Т. 1–.
Баранов Е. Из области суеверий и устной словесности терских казаков // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1899. Т. 26. С. 167–244.
Булушева Е. Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. Вып. 4. Заговоры. Саратов, 1994. С. 1–65.

⁸⁷ Русские заговоры, 316.

⁸⁸ Виноградов 1, 51–52, № 68.

⁸⁹ Об историко-лексикологическом взгляде на др.-рус. *тьска* и его окружение см. специально [Шимчук 1991].

- Верещагин Г.Г. Коновальство и захаарство в Прикамском крае // Изв. Сарапульского земского музея. 1913. Вып. 3. С. 34–43.
- Бетлужская сторона. Фольклорный сборник. Вып. 2 / сост. А.В. Кулагина. Кострома, 1996.
- Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908–1910. Вып. 1–3.
- Вишерская старина / сост. И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Н.В. Жданова. Пермь, 2001.
- Встану я благословаясь... Лечебные и любовные заговоры, зап. в части Архангельской области / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Н. Ильинская. М., 1992.
- Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. СПб., 2013.
- Голубых М.Д. Казачья деревня / под ред. М. Феноменова. М., 1930.
- Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Биб-ка для чтения. 1848. Т. 90, отд. III. С. 1–142.
- Ершов В.П., Логинов К.К. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 2022.
- Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1878. Ч. 2. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Труды этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2.)
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 2 / издание подготовили А.Б. Ипполитова, А.Л. Топорков. М., 2024.
- Заговоры, обереги и молитвы / сост. и автор статьи Л.В. Фадеева // Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2-х т. М., 2008. Т. 1. С. 363–418.
- Знатки, колдуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общей ред. А.Б. Мороза. М., 2013.
- Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда, 2014.
- Зырянин. Суеверные обычаи в северо-восточных уездах Вологодской губ. // Вологодские губ. вед. Ч. неофиц. 1867. № 35. С. 388–389.
- Комаровских А. Захарство в Орловском уезде // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1898 год. Вятка, 1898. С. 136–147.
- Кофырин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского у. // Олонецкие губ. вед. 1900. №127. С. 2
- Логиновский К.Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков // Зап. О-ва изучения Амурского края Владивостокского отд-ния Приамурского отд. РГО. Владивосток, 1904. Т. 9. Вып. 1.
- Майков Л.Н. Великорусские заклинания // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 417–580. Дополнения: с. 747–748.
- Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8, č. 1. С. 185–233.
- МАС – Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Неклюдов М.Н. Заговоры // Памятная книжка Смоленской губ. на 1909. Смоленск, 1908. Прил., №7. С. 17–24.
- Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и comment. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997.
- Покровский Н.Н. Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.
- Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
- Пятницкий Ар. Суеверия, поверья и приметы, заговоры, лечения и гадания // Прибавление к Тульским епарх. вед. 1873. № 6. С. 223–229.
- Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М., 1998.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и comment. А.Л. Топоркова. М., 2010.
- Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский уезд. СПб., 2008.

- САР – Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 1–6.
- СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- Сл. воронеж. – Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- СНРП – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 1. Городское просторечие / под общей ред. О.Е. Морозовой. Архангельск, 2013.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2005. Т. 1–2.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Суеверие и предрассудки в простом народе // Олонецкие губ. вед. Ч. неофиц. 1885. № 76. С. 673.
- Тимофеев – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк, 2013.
- Тучемский С.В. Три отпуска (наговора), произносимых пастухами над скотом в с. Унице Петроводского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. 1900. № 4. С. 512–515.
- Удина С.А. ...Говоря лешуконьска, как водица из родника.... Архангельск, 2021. 384 с.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.
- Шилков П. Заговор для присухи // Живая старина. 1892. № 3. С. 149–151.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов: Проспект. М.: Русские словари, 1995. 558 с.
- Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 96–115.
- Вежбицкая А. Концептуальные основы психологии культуры // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 376–404.
- Ковригина Е.А. Семантическое поле ‘БОЛЕЗНЬ’ в пространстве диалекта (на материале архангельских говоров). Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2022. 222 с.
- Никитина С.Е. Лингвистика фольклорного социума // Язык о языке / под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 558–596.
- Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд. 2. М.: Индрик, 2003. 640 с.
- Приходько В.К. Лексические средства презентации базовых эмоций в русских говорах Приамурья: (лингвокультурологический подход). Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 250 с.
- Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону: [б/и], 1998. 324 с.
- Толстая С.М. Полесские поверья о холячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.
- Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 480 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 137 с.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1–2.
- Шимчук Э.Г. Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русск. *тьска* и его окружение) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М.: Наука, 1991. Ч. 1. С. 75–85.

REFERENCES

- Apresian Iu.D. *Novyi ob "iasnitel'nyi slovar' sinonimov: Kontseptsii i tipy informatsii, Novyi ob "iasnitel'nyi slovar' sinonimov: Prospekt*, Moscow, Russkije slovari Publ., 1995, 558 p. (In Russ.)
- Baiburin A.K. *Toska i strakh v kontekste pokhoronnoi obriadnosti. Trudy fakul'teta etnologii. Vyp. 1*, St. Petersburg, Jevropeiskij un-t v Sankt-Peterburge Publ., 2001, pp. 96–115. (In Russ.)
- Chernykh P.Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo iazyka*, Moscow, Rus. iazyk Publ., 1999, vol. 1–2. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva, Moscow, Progress Publ., 1964–1973. (In Russ.)
- Khrolenko A.T. *Semantika fol'klornogo slova*, Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1992, 137 p. (In Russ.)
- Kovrigina Je.A. *Semantichesko pole 'BOLEZN'* v prostranstve dialektika (na materiale arkhangelskikh govorov), Diss. ... kand. filol. nauk, MGU, 2022, 222 p. (In Russ.)
- Nikitina S.Je. *Lingvistika fol'klornogo sotsiuma. Iazyk o iazyke*, ed. N.D. Arutiunova, Moscow, Iazyki rus. kul'tury Publ., 2000, pp. 558–596. (In Russ.)
- Pen'kovskii A.B. *Nina. Kul'turnyi mif zolotogo veka russkoi literatury v lingvisticheskem osveshchenii*, Moscow, Indrik Publ., 2003, 640 p. (In Russ.)
- Prikhod'ko V.K. *Leksicheskije sredstva reprezentatsii bazovykh emotsiy v russkikh govorakh Priamur'ia: (lingvokulturologicheskii podkhod)*, Khabarovsk, Tikhookean. gos. un-t Publ., 2016, 250 p. (In Russ.)
- Protsenko B.N. *Dukhovnaia kul'tura donskikh kazakov. Zagovory, oberegi, narodnaia meditsina, pover'ia, primety*, Rostov-na-Donu, 1998, 324 p. (In Russ.)
- Shimchuk E.G. Iz istorii leksiki, sviazannoj s dukhovnym mirom cheloveka (dr.-russk. *toska* i jego okruzhение). *Istoriko-kul'turnyi aspekt leksiko-logicheskogo opisaniia russkogo iazyka*, Moscow, Nauka Publ., 1991, vol. 1, pp. 75–85. (In Russ.)
- Tolstaia S.M. Polesskije pover'ia o khodiachikh pokoinikakh. *Vostochnoslavianskii etnolingvisticheskii sbornik*, Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 151–205. (In Russ.)
- Toporkov A.L. *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX v. Istoryia, simvolika, poetika*, Moscow, Indrik Publ., 2005, 480 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaia A. Kontseptual'nyje osnovy psichologii kul'tury. Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanije*, per. s angl.; otv. red. M.A. Krongauz, vступ. st. Je.V. Paduchevoi, Moscow, Russkije slovari Publ., 1996, pp. 376–404. (In Russ.)

Received on 10.02.2024

Accepted on 12.03.2024

Информация об авторе:

Агапкина Татьяна Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Information about the author:

Tatiana A. Agapkina
DSc. (Philology),
Chief Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru